

Н О В Ы Й

М И Р

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И**

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

Д В Е Н А Д Ц А Т А Я

Д Е К А Б Р Ь

М О С К В А
1 . 9 . 2 . 8

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Леонид ЛЕОНОВ. — Белая ночь, повесть	5
2. Бор. ПАСТЕРНАК. — Три стихотворения	38
3. Михаил ПРИШВИН. — Рассказы, из книги «Журавлиная родина»	42
4. Артем ВЕСЕЛЫЙ. — В походе (из романа «Россия, кровью умытая»)	49
5. Э. БАГРИЦКИЙ. — Surrinus carpio, стихотворение	59
6. Дм. УРИН. — Клавдия, рассказ	62
7. Ник. УШАКОВ. — Осень, стихотворение	82
8. Ник. ТИХОНОВ. — Река и шляпа, рассказ	84
9. Вера ИНБЕР. — Место под солнцем, лирическая хроника, окончание	104
10. Мих. ГЕРАСИМОВ. — Два стихотворения	145
11. Петр ОРЕШИН. — Досадное счастье, стихотворение	147
—————	
12. А. ВОРОНСКИЙ. За живой и мертвой водой, продолжение	148
13. Н. МЕЩЕРЯКОВ. — Просветитель пролетариата (эскиз углем)	176
14. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ. — Англо-американское соперни- чество	183

ДОМА И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

15. Н. ЗАМОШКИН. — Сердце кооператора (об Иване Катаеве)	208
16. И. МАШБИЦ-ВЕРОВ. — Разговор по душам (о романе М. Чу- мандрина)	215
17. А. ЗОРИЧ. — Об одном «инциденте»	221
18. А. ЗАЛКИНД. — Очерки школьной жизни в СССР	227
19. Б. АЛПЕРС. — Новый этап в советском кино	236
20. Андрей ПЛАТОНОВ, Бор. ПИЛЬНЯК. — Че-Че-О	249
21. АДАЛИС. — Путевые очерки	258
22. Н. ВОЛКОВ. — Письма о западном театре (немецкий театр)	266
23. Л. НИКУЛИН. — «Парадиз»	276
24. Борис АНИБАЛ. — Сатиры и пародии (с шаржами Бор. Ефимова)	282

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Ник. СМИРНОВ. — «Перевал», сборник шестой . . .	287
Владимир ШИШОВ. — Борис Губер «Простая причина» .	289
А. СТАРЧАКОВ. — Милий Езерский «Самоядь»	289
Арк. ГЛАГОЛЕВ. — Е. Бражнев «Стучит рабочая кровь» .	290
К. ЛОКС. — Вера Инбер «Соловей и розы»	290
Ник. БОГОСЛОВСКИЙ. — С. Бройде «Дни и ночи» .	291
Ник. СМИРНОВ. — Лесник «Щучья свадьба» .	291
К. ЛОКС. — Мария Домбровская «Люди оттуда»	292
И. ПОСТУПАЛЬСКИЙ. — Семён Кирсанов «Моя именинная» .	293
И. ПОСТУПАЛЬСКИЙ. — С. Обрадович «О молодости»	293
Н. АШУКИН. — П. Е. Щеголев «Пушкин и мужики»	294
А. ДИВИЛЬКОВСКИЙ. — Ю. Соловьев «25 лет моей дипломатиче- ской службы»	295
А. ДИВИЛЬКОВСКИЙ. — И. Емельянов «На этом берегу»	295
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» за 1928 год .	297

В номере 11 иллюстраций в тексте.

В походе

(Из романа „Россия, кровью умытая“)

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

(Окончание ¹⁾)

В России революция, всю-то Расеюшку
дикой кровью забрало.

По Закубанью — стон стеной.

Революция подняла на дыбы и стравила казака с мужиком, мужика с черкесом, черкеса и с мужиком и казаком.

Отрыгнула давнишняя вражда.

Казаки точили зубы на горцев еще со времен кавказских войн, а с мужиками лютовали из-за земли и поговаривали о выселении их с Кубани.

Мужики, величая себя большевиками, организовывались в красногвардейские отряды, захватывали панские пашни и на митингах кричали, что горцев надо перебить, а с казаками устроить передел земли на равных началах.

Черкесские князьки и султанишки мыкались по аулам и собирали на защиту краевого правительства национальные отряды. Наиболее горячие головы из туземных дворян и духовенства во сне и на яву видели, как бы отложиться от России и восстановить, под покровительством Турции, «великую Черкесию», границы коей когда-то простирались от Эльбруса до Азовского моря.

Краевая рада противилась земельному переустройству и призвала население дожидаться учредительного собрания. Рада заседала в Екатеринодаре в атаманском дворце—ни один штык не мог достать до нее, а потому вся ненависть хуторян упиралась в аулы и станицы, поддерживающие краевое правительство.

Черкесы, объединившись с казаками, нападали на хутора — жгли, грабили, убивали, насиловали, угоняли скот. Хуторяне, при поддержке тех же казаков, устраивали набеги на аулы — жгли, грабили, убивали, насиловали, угоняли скот. Так были разгромлены аулы Габукай, Джи-

¹⁾ См. «Новый Мир» книги 10 и 11 с. г.

джихабль, Асоколай, Кошехабль, Шенджий, Вочепший, Лакшукай и много хуторов, разбросанных по рекам Пшишу, Лабе и Белой.

Русских было больше — туземцам большее попадало.

Корнилов ввалился в Закубанье, как в осиное гнездо. Черкесы выставили под его знамена конный полк, собранный из всадников бывшей Дикой дивизии. Хуторяне, опасаясь мести, поголовно поднялись на защиту своих животных. Казаки отошли в сторону и стали выжидать событий.

... Кадету Юрию Чернявскому война окончательно разонравилась. Он оступел от усталости. Безразличное отношение ко всему окружающему нарушалось лишь взрывами ожесточения. Частенько после боя он оставался со сверстниками на поле сражения добивать раненых. Страдания не трогали, и кровь больше не волновала его. Не радовал и георгиевский крест, полученный за Кореновский бой. А давно ли он робел от грозных окриков классного наставника, боялся выходить ночью в полутемный коридор, трепетал при встречах на ученических балах с кудрявой и совсем нестрашной гимназисткой Стасей... И только о собственной смерти юноша не мог размышлять спокойно. Каждым ударом своего маленького задубевшего сердца он торопил армию выйти из-под ударов противника, забраться в дикие, недоступные горы... Первым-наперво вымоется он, Юрик, в бане, потом влюбится в черкешенку, потом займется охотой, потом отправится в большое путешествие на Восток, потом...

— Огонь... Цепь, огонь... Пулеметы, огонь... Чернявский, какого чорта не слушаете команду? Ложитесь.

Юрий очнулся и увидел недалеко в канаве своего взводного, присевшего на корточки.

Не успел еще кадет ничего сообразить, как рядом что-то брякнулось, обдав брызгами, и под ноги медленно подкатился снаряд... «Конец, вот» — мелькнуло в сознании, но снаряд не взорвался: Юрий перешагнул через него и, поймав взгляд взводного, покраснел от удовольствия. Он еще раз с любопытством оглянулся на снаряд и задорно крикнул:

— Вот стерва... С поросенка.

Затем припал на колени и, почти не целясь, начал стрелять по мелькавшим на бугре шапкам красногвардейцев.

Сыпал дождь.

Взвод, рота, полк, вся армия лежала в болотистой низине и беспорядочной стрельбой отгоняла наседающих со всех сторон большевиков.

Из обоза, по распоряжению командующего, были выгнаны на линию огня все способные защищаться. Профессора, адвокаты, социалистические вожди, волоча за собой винтовки, ползли резервными цепями и тоже стреляли. На немых, обросших лицах обозников — ужас, обида, недоумение.

Временами кольцо красных настолько суживалось, что они перекидывали снаряды через головы врагов и разили своих.

Бой длился до вечера.

Корниловский полк головным входил в хутор.

— Ну, как, Юра, струхнул? — подмигнул Николай и рассмехался. — Екнула селезенка?

— Никак нет, господин взводный, — бодро ответил кадет, смахивая рукавом капающий с носа и бровей пот.

— Господа, — обратился Николай к взводу и, для пущей важности кое-что прикрасив, рассказал о снаряде. — Герою — честь, герою — слава...

Смущенного Юрия схватили и принялись качать. Взлетая над головами соратников, он крепко держал над собой в вытянутой руке винтовку и чуть ли не впервые за весь Закубанский поход почувствовал себя счастливым.

— Песенники, вперед.

Несколько человек выбежали из строя. Запевала — румяный, улыбающийся Володя — повернулся к полку лицом и, легко отбегая на носках, высоким звонким голосом начал рубить:

Во городе во Ростове
Случилась беда
Молодая гимназистка
Сына родила...

Полк ухнул —

— с невеселым весельем подхватил и понес по тихой вечерней улице казарменную песню.

Внезапно из ближайшего двора выбежали два солдата и полураздетая, растрепанная баба — все с винтовками. Они встали перед хатой в ряд, локоть в локоть, вскинули винтовки и открыли частую пальбу.

Первым упал запевала. За ним — другой, третий...

Все растерялись от дикой неожиданности. За время длительного боя каждый растратил весь запас хладнокровия.

— Пулемет сюда, — истерически взвизгнул кто-то.

— Корниловцы, стыдитесь! — крикнул насколько голосу хватило командир полка полковник Неженцев и, выдернув из кобура револьвер, быстро и прямо пошел к троим... Почти в упор он застрелил одного солдата, другой бросился бежать, но, пробитый сразу несколькими пулями, повис на заборе.

Подскакавший черкес конем сшиб женщину, и не успела еще она упасть, как легким и мастерским ударом шашки азиат ссек ей голову начисто — по самые плечи. Голова покатила офицерам под ноги, завертываясь в разлетевшиеся пышные волосы.

— Зажечь хату, — приказал командир.

— Разрешите, Митрофан Осипович, оставить до утра, а то людям под открытым небом ночевать будет холодно. Перед выступлением запалим весь хутор.

Неженцев согласился с адъютантом.

Двигались марш-маршем.

Непокорные хутора оставались позади в пепле, прахе и крови.

Начали попадаться аулы.

Гор, о которых мечтал не один Чернявский, и в помине не было. Царское правительство расселило черкесов на равнине, окружив кольцом линейных станиц. Аулы почти ничем не отличались от русских поселений: знакомые, крытые камышом и соломой, хаты; те же, упирающиеся хвостами в речку, огороды; и кое-где... церкви. Вместо воспетых «праздных гордых черкесов» пришельцев встречали воюющие жалкие люди. Благообразные старики, ползая на коленях, седыми бородами вытирали грязь с сапог победителей.

Однажды, в глухую ночь, раз'езд юнкеров наткнулся на заночевавшую в голой степи армию кубанского правительства, позорно бежавшего из своей столицы — Екатеринодара.

Бродячие армии возликовали.

В сарай, где на сене отдыхали корниловцы, забежал штатский. Он огляделся, и, заметив в темном углу людей, строго спросил:

— Какой части?

— Корниловцы. Что угодно?

— Не может быть?.. Разрешите представиться — член законодательной рады Константин Михайлович Чернояров.

Все, точно по уговору, промолчали и остались лежать в вольных позах.

— Вы, господа, не подумайте обо мне дурно. Мы, члены правительства, находимся в таких же условиях, что и рядовые чины отряда. Наравне со всеми голодаем, спим по-казацки на кулаке, сами ухаживаем за своими лошадьми.

— Позвольте узнать, какие стратегические или тактические соображения побудили вас вчера заночевать в степи под проливным дождем? — спросил кадет Чернявский и, довольный своей выходкой, оглянулся на своих.

— Лиха беда заставила, — ответил Чернояров. — В ту проклятую ночь даже курить было запрещено, чтобы не обнаружить своего местопребывания.

— Ха-ха-ха... Вы — законная власть на Кубани и боитесь себя обнаружить?

— Ничего не поделаешь... У нас только было начала развертываться законодательная работа, а тут, извольте, война. Так никогда и никакого порядка в крае не наладишь.

— Сами и виноваты, — отозвался кто-то простуженным голосом. — Партийные и социалистические интересы вы ставите выше интересов государственных и национальных.

— Как бы там ни было, а большевикам скоро крышка. По секрету могу сообщить, час назад состоялось заседание рады по вопросу о соединении и, понимаете, — никаких разногласий. Полное едино-

душие. Мы, кубанцы, весьма довольны тем, что вы присоединяетесь к нам.

— А почему не наоборот?

— Кажется, ясно? Вы мало знакомы с местной обстановкой, вы пришли на нашу территорию, вы...

— Чепуху городите, не знаю как вас титуловать, — сердито сказал Николай. — Кубань не африканская республика, а, всего-навсего область государства российского.

— Я вас не понимаю...

— И напрасно.

— Мы, радяне, не разделяя политических убеждений монархистов, разумеется, склоняем головы перед светлыми личностями Корнилова и Алексеева, но, тем не менее, будем отстаивать самостоятельность края, ибо имеем на таковую историческое право. Мы стремимся создать собственную кубанскую армию и в этом нет ничего зазорного. У нас, могу сообщить по секрету, уже выработаны и принципиальные условия, при строгом соблюдении которых только и может произойти соединение нашей армии с вашей.

— Во-первых, у вас не армия, а отряд, — сказал Николай, — во-вторых, интересно знать, что вы предпримете, если Корнилов потребует полного и безоговорочного подчинения?

— Ну, знаете, если вопрос будет так заострен...

— То?

— Мы, разумеется... подчинимся.

Николай захохотал. Потом он спросил уже другим тоном:

— И так, говорите, поход полон неудобств?

— Приходится мириться. Сегодня, например, нам отведено помещение школы, где и спим на грязном полу все сорок человек. Бывает и хуже. Под Тахтумукаем большевики окружили наше войско и, не хвалясь, скажу: только присутствие членов правительства на линии огня спасло положение. Когда казаки и простые отрядники видели нас, своих избранных, рядом с собой, то воодушевлялись и смело бросались в контратаки, шли на верную смерть, кололи, рубили, резали, — красота... Да этого простыми словами и передать невозможно.

— А вы — стихами, — посоветовал Чернявский и отвернулся.

— Не до шуток, молодой человек; вам, вероятно, ничего подобного и видеть не приходилось.

— О, да. Мы от самого Ростова едем на линейках, хлебаем молочко и наслаждаемся вашей кубанской природой, чтоб ее чорт побрал.

— В ауле, где мы последний раз дневали, — простодушно продолжал повествовать Чернойров, — большевики разграбили все до последней нитки, и, смешно сказать, мне, члену законодательной рады, пришлось пить чай прямо из конного ведра, через край.

— А где же ваша рада растеряла чайные сервизы?

— Куда там... Отступление было настолько поспешным, что войсковой атаман Филимонов впопыхах забыл в городе булаву, без ко-

торой, по старым казацким традициям, он и власти-то над войском не имеет.

— Значит, большевики как следует наломали вам хвост?

— Эка важность, счастье изменчиво. За нами Кубань, казачество и, наконец, правда. — Он взвалил на горб вязанку сена и ушел.

— Фрукт, — сказал поручик Дабижа. — И за каким лядом нам с ними связываться?

— Вы не политик, князь, — сказал Николай, укрываясь с головой шинелью. — Оставим эти неприятные вопросы на усмотрение начальства.

— И горжусь тем, что не политик. В свое время всех нас учили воевать, а не рассуждать.

Скоро все захрапели.

— Иван Павлович, объясните ради бога, что это за ге-не-рал Покровский? — обратился Алексеев к начальнику штаба. — Я что-то не помню такого имени.

— Проходимец, ваше превосходительство, каких свет не видал, — ответил Романовский. — В старой армии сей гусь служил в авиации в чине штабс-капитана. В революцию прибыл на Кубань и за несколько месяцев сделал карьеру. Рада пожаловала его сперва полковничьими, а через недельку и генеральскими погонями. К тому же, по сведениям разведки, преотчаяннейший интриган и политикан.

— Странная публика эти провинциальные властители. С ними каши не сварить. Еще перед рождеством из Новочеркаска выслал я в Екатеринодар представителя Добровольческой армии генерала Эрдели. Почему они не воспользовались услугами этого энергичного и умного человека, если уже не имеют своего полководца?

Романовский пожал плечами.

Дверь распахнулась, и дежурный офицер доложил:

— Его превосходительство Лавр Георгиевич Корнилов.

Корнилов быстро вошел и поздоровался:

— Иван Павлович, по какому это случаю на площади весь вечер ревет оркестр? Прилег было вздремнуть — не могу. Всю голову разломило. Пошлите выяснить и нельзя ли прекратить.

— Сию минуту. — Романовский вышел распорядиться.

Корнилов с Алексеевым остались вдвоем.

Некоторое время они молчали, потом Корнилов крепко, до хруста в суставах, потер маленькие сухие руки и заговорил:

— Бродить по степям и болотам дольше невыносимо. Люди измучены, потери весьма значительны, армии грозит гибель, если... если в ближайшие дни мы не возьмем город. Ваше мнение, генерал?

— Полноте, Лавр Георгиевич, зачем вам знать мое мнение? Чтоб не согласиться с ним? Вы — командующий, вам и вожжи в руки.

Судорога бешенства промелькнула в лице командующего, но он сдержался и спокойно продолжал:

— Нас раздавят. Немыслимо вести войну с ордой сброда. Нам нужна база. Город может спасти положение. Поднимем сполох, кликнем клич, верхи казачества и всякий честный человек, в ком сохранилась хоть искорка патриотизма, будут с нами, не могут не быть с нами.

— На Дону мы допустили ошибку, понадеявшись на казачество. Мне кажется, что на Кубани вы, Лавр Георгиевич, эту ошибку повторяете.

— Неправда. Вы не понимаете или не хотите понять теперешней обстановки. Риск...

— Риск уместен в картежной игре, — перебил Алексеев и поднял лобастую лысеющую голову. Расстроенное лицо его болезненно морщилось, а пронизательные глаза в золотых очках были строги, как поплавки на тихой воде. — Я сторонник расчета и плана.

— Три хороших перехода, и мы будем в городе. Смелым бог владеет...

— Простите меня за вольность, но на войне приходится больше рассчитывать на штык, а не на святителей. Хорошего командира полка я не променял бы и на десяток угодников. Понадеялись на бога, — японскую кампанию проиграли, да и германскую тоже... Силы неравны, и с этим нельзя не считаться.

— Что ж, я должен избегать встречи с большевиками? Должен беречь своих людей от пуль неприятеля?

— Нет, нет. Борьбу необходимо продолжать со всей решительностью. Всякая армия, как известно, загнивает от бездействия, но, повторяю, силы неравны... Оттяните войска в Сальские степи, дайте людям и коням отдых, сократите обоз и там, поверьте, недолго придется ждать настоящего дела. Под боком — Дон, на Украине — чехословацкий корпус.

— Сальские степи, — зло усмехнулся Корнилов, — не я ли месяц назад настаивал на том, чтобы итти именно туда? Весь генералитет — Деникин, Марков, Богаевский, Лукомский, Боровский, Иван Павлович и, наконец, вы — уговорили меня повернуть на Кубань. Теперь о Сальских степях думать поздно, это у чорта на куличках, а у нас снаряды и патроны на исходе, продовольственные запасы иссякли, конский состав разбит, в обозе шестьсот сорок раненых, люди вымучены до последней степени... Я возьму город во что бы то ни стало. Так честь, так долг, так совесть велят.

— Авантюра, — гневно и без малейшего колебания выговорил Алексеев. — Город вряд ли удастся взять, а рискуете вы всем. Ваш долг перед родиной...

— Я прекрасно сознаю свои обязанности перед Россией, — с надменной улыбкой сказал Корнилов и поднялся; раздувающиеся ноздри его трепетали, губы дрожали. — Простите, генерал, но вы не понимаете простой истины: пусть поражение, но только не срам.

Вошел Романовский и доложил:

— На площади, по приказанию Покровского, под музыку вешают местных жителей, заподозренных в сочувствии большевикам. Я распорядился прогнать музыкантов.

— Отлично, — сказал Корнилов. — С рассветом мы выступаем на Ново-Дмитровскую. Авангардом пустить марковский полк, а то его офицеры жаловались, что я им не даю возможности отличиться. Арьергардом — юнкеров.

Начальник штаба молча поклонился.

Всю ночь сыпал спорый весенний дождь.

Было еще темно, когда по размокшим дорогам выступили передовые полки. Потянулся обоз, штабы, повозки с больными и ранеными. (Главный лазарет, по чьему-то мудрому распоряжению, оставался в этот день в ауле Шенджий.)

Станица Ново-Дмитровская, раскинутая по широкому бугру, встретила наступающих огнем пулеметов и шести батарей.

Армия замялась.

Путь к станице преграждала буйствующая речка, на которой все мосты и переправы были уничтожены. Всадники, высланные на поиски бродов, вернулись ни с чем.

К полудню грянул холодный ветер, мокрыми хлопьями повалил снег.

Люди покорно мокли и дрогли.

Ветер густел.

Застонала вьюга.

Тьма окутала снежное поле.

Расстроенные полки стояли по колена в ледяной каше и ждали распоряжений начальства, которое и само не знало, на что решиться... Возвращаться в Калужскую и Пензенскую было невыгодно и позорно: за все время похода армия еще не разу не пятилась, к тому же не миновать было брать Ново-Дмитровскую. Вести полки в лобовую атаку вплавь через речку представлялось невыносимым. Остаться на ночь в чистом поле было невозможно: давно уже ни на ком не осталось ни одной сухой нитки, из обоза летели зловещие вести — такой-то замерз, такой-то застрелился.

— Николай Александрович, терпенья не хватает, в атаку бы, что ли... Так и так пропадать.

— Бегай, Юрик, грейся. Всем плохо и все терпят: Командующему, поди-ка, не жарче, чем нам с тобой.

Корниловцы, составив ружья в козла и не обращая внимания на высокие разрывы шрапнели, боролись, тузили друг друга по бокам и прыгали, как бесноватые. Кадет, не теряя из виду своего взвода, начал бегать от межи до какого-то столбика и обратно. Обмерзшая шинель гремела на нем, как лубяная, заоченевшие пальцы еле держали винтовку, на прикладе которой настала ледяная корка.

Офицерский марковский полк, пользуясь темнотой, подобрался к самому берегу.

— Господа, господа,—агитировал Марков, бегая по цепи и хлопая себя по голенищу плетью, которую никогда не выпускал из рук,— за ночь мы перемерзнем здесь, как суслики. Помощи ждать неоткуда. Надо решиться.

— Мы за вами в огонь и в воду,—полушутливо сказал кто-то, и кругом одобрительно загудели.

— Благодарю, господа! Благодарю за доверие!—Генерал сорвал залепленную снегом папаху и перекрестился.—Ну, с богом! За мной!— и первым полез в речку.

Станица была взята.

Армия, передохнув, переправилась под Елизаветинской через реку Кубань и с трех сторон обложила город.

Бой гремел второй день, но победы не было.

Корнилов вызвал в штаб Неженцева.

— Здравствуйте, дорогой.

Неженцев начал было рапортовать о состоянии полка, но командующий раздраженно перебил:

— Отставить. Не до церемоний. Садитесь и рассказывайте.

— К сожалению, Лавр Георгиевич, ничем не могу порадовать. Полк тает. Сегодня два раза ходили в атаку и не продвинулись вперед ни на шаг.

— Знаю, знаю. Я уже распорядился выслать на пополнение полка две сотни мобилизованных казаков. Хватает ли патронов? Каково настроение? Когда будем в городе?

— Патроны на подборе. Люди измотаны, засыпают в окопах. Настроение падает. Час назад, когда я приказал возобновить атаку, цепи... не поднялись.

— Как? Корниловцы отказались идти в атаку? Позор.

Командир полка опустил голову.

— Значит, действительно дела не важны,— сказал Корнилов и задумался.

— Старого состава в полку осталось меньше половины, воспитанием пополнений заниматься некогда...

— Все это я прекрасно понимаю и лично вас, Митрофан Осипович, ни в чем не виню. Нужно поднять дух людей и внушить им, что город должен быть взят во что бы то ни стало.

— Слушаюсь.

— Почти два месяца, как мы выступили из Ростова, и до вчерашнего дня армия с честью выполняла все приказы своего командующего. Неужели теперь, когда осталось сделать одно усилие, ряды дрогнут? Нет. Я скорее застрелюсь, чем отступлю от города,—так и передайте полку.

— Лавр Георгиевич...

— На один наш выстрел большевики отвечают залпом. Против одного нашего бойца выставляют десяток. Медлить нельзя, иначе

войска потеряют сердце. Сегодня же... Я вас больше не задерживаю. Желаю удачи. С богом.

Неженцев ушел, и в тот же день был убит на позиции.

Начальнику штаба полковнику Барцевичу—Романовский был уже ранен—командующий продиктовал:

ПРИКАЗ¹⁾

войскам Добровольческой армии.

Ферма Кубанского экономического общества.

№ 185

Марта 29, 1918 года,
12 час. 45 мин. утра.

1) Противник занимает северную окраину города Екатеринодара, конно-артиллерийские казармы у западной окраины города, вокзал Черноморской железной дороги и рошу к северу от города. На Черноморском пути имеется бронированный поезд, мешающий нашему продвижению к вокзалу.

2) В виду прибытия ген. Маркова с частями 1-го Офицерского полка, возобновить наступление на Екатеринодар, нанося главный удар на северо-западную часть города.

а) Генерал-лейтенант Марков—1-я бригада. 1-го Офицерского полка 4 роты, 1-го Кубанского стрелкового полка один батальон, 2-я отдельная батарея, 1-я инженерная рота—овладеть конно-артиллерийскими казармами и затем наступать вдоль северной окраины, выходя во фланг противнику, занимающему Черноморский вокзал, и выслать часть сил вдоль берега реки Кубани, для обеспечения правого фланга.

б) Генерал-майор Богаевский — 2-я бригада. Без 2-й батареи. 3-я батарея и второе орудие 1-й отдельной батареи. Один батальон 1-го Кубанского стрелкового полка и первая сводная офицерская рота Корниловского ударного полка—наступать левее ген. Маркова, имея главной задачей захват Черноморского вокзала.

в) Генерал Эрдели—Отдельная конная бригада, без Черкесского конного полка—наступать левее генерала Богаевского, содействуя исполнению задачи последнего и обеспечению его левого фланга и портя железные дороги на Тихорецкую и Кавказскую.

3) Атаку начать в 17 часов сегодня.

4) Я буду на ферме Кубанского экономического общества.

Ген. Корнилов.

Вечером были заняты сады, артиллерийские казармы и окраины почти вплоть до Сенного базара, но город не сдавался.

На реке всплывала дохлая рыба. Нырять в крутой кольчатой волне и покачиваясь, плыли вздувшиеся лошадиные туши и трупы людей. Несло тухлятиной.

Всю ночь в небе пласталось зарево пожаров—горели кожевенные заводы, артиллерийские казармы и многие дома в городе.

¹⁾ Этот последний приказ Корнилова до сих пор в советской печати не-